

МЫ ПОМНИМ, МЫ ГОРДИМСЯ

Безвестные герои

О роли штрафных батальонов и рот в приближении Победы долго не говорили. Нарушители воинской дисциплины, попавшие во вражеское окружение, осуждённые советскими судами – одним словом провинившиеся перед Родиной и обязанные искупить эту вину кровью: таким было политическое корректное мнение о них. Начальник производства механической обработки и сборки КПП Владимир Воронин, росший в Брянской области, мальчишкой исследовал передний край обороны противника, где погибли сотни штрафников. Находками детства были боевые снаряды, каски... Теперь в распоряжении заводчанина, присоединившегося к поисковым отрядам, больше свидетельств тех дней. В том числе – записи кавалера ордена Александра Невского полковника Дмитрия Дебольского.

Отчаянные

«Вызывает меня, молодого 18-летнего лейтенанта, начальник штаба дивизии, подполковник Френкин. Загадочно шурясь, предлагает должность, какую – не говорит:

– Оклад, как у командира батальона, выслуга шесть лет за один год. Получишь людей – узнаешь.

В составе полутора десятка грузовых автомобилей едем в Курск за пополнением. Прибываем в местную тюрьму. Народу – человек 500, стоят в строю во внутреннем дворе. Начальник тюрьмы выходит на середину:

– Лейтенант приехал за пополнением. Кто хочет воевать?

Шагнули все, без исключения. Так я стал заместителем командира 257 отдельной штрафной роты или попросту «Шуры» в составе 65-й армии генерала Батова.

Полтора месяца непрерывной тренировки, стрельбы. И первая разведка боем. Половина не вернулась, осталась на голом, выкошенном свинцом поле перед Малыми Прудками, севернее Берёзовца. Так набирались опыта. Недельку зализывали раны, «пополнялись» и жаждали реванша. А у немцев – веселье: крутят советские пластинки, пьяные полицаи или власовцы предлагают сдаться. Звереют на глазах штрафники: «Когда?».

3 июня 1943-го, чуть забрезжил рассвет, в начале четвёртого утра, выползла штрафная рота из траншей напротив Тростенчика. Во главе со своим командиром капитаном Карипановым. Без артподготовки, без единого выстрела. Мимо мин и фугасов, обозначенных сапёрами на нейтральной полосе. Только шелест мокрой травы, тихий шум сотен ползущих тел и пронзительное пение соловья. Навалились на спящих немцев, устроили резню, побоище. Страх и ужас творился в траншеях. Уцелели всего несколько человек, взятых в начале боя в качестве «языков». Два дня мы отбивали атаки пехоты и самоходок. И только по приказу отошли обратно в свои окопы,

оставив сотни фашистских трупов в Тростенчике и вокруг него. Мы отомстили...

...Много написано о штрафниках правды и небылиц, много выдуманно. Но под Комаричами и Севском летом 1943-го, да и позже, не стояли сзади нас заградительные отряды с пулемётами. Нас вооружали, как и обычные стрелковые подразделения: винтовками, пулемётами, автоматами.

В «Шуре» воевали отчаянные солдаты-осуждённые. Воевали лучше остальных. Всегда захватывали огромное количество оружия и продовольствия. Особенно много прекрасных немецких пулемётов. Каждый имел в запасе трофейный автомат. И всё это оставалось у нас. Никто не отбирал и просто не смог бы этого сделать.

В роте – 15-20 человек постоянного состава: офицеры и сержанты. И 400-500 человек переменного состава: осуждённые за разные преступления солдаты, окруженцы, уголовники, бывшие полицаи. Офицеры наравне с остальными ходили в атаки, поднимаясь в числе первых, питались из одной ротной кухни, не прятали и не ели втихаря свои допайки. Всё делили поровну. И радость, и горе тоже. Поэтому пользовались у штрафников непререкаемым авторитетом. Берегли они нас, как могли. В безысходные моменты боя, матёрые эки хватали нас, мальчишек-командиров, как котят за шиворот, и бросали в воронки, сверху закрывая собой. Спасали наши жизни, погибая.

Многие воевали до первого ранения или через два месяца со снятыми судимостями за проявленную храбрость уходили в другие части по предписанию командования роты. Многие получали ордена и медали, многие просили оставить в «Шуре».

Были в роте и вольнонаёмные. Одна из них, фельдшер Лена Поевская из Дмитриев-Льговского, спасла в боях сотни солдат».

...и безымянные

– С 5 июля по 23 августа 1943 года продолжалось одно из самых кровопролитных сражений Великой Отечественной

Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

Василий Фёдоров, 1955 год

войны – Курская битва. Отбивали атаки фашистов войска Брянского, Центрального и Западного фронтов, – говорит Владимир Воронин. – По многим районам моей малой родины Курская дуга прошла огненной стрелой. Десятки тысяч советских воинов отдали здесь свои жизни. Ежегодно в памятные дни люди приносят к обелиску Славы цветы. Но до сих пор остаются безвестными подвиги штрафников, до сих пор они – безымянные герои войны.

После выхода приказа наркома обороны СССР №227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад» из виновных в нарушении воинской дисциплины стали создавать штрафные подразделения, батальоны – из офицеров, роты – из рядовых. Направляли их в наиболее трудные участки фронта, давая возможность искупить кровью преступления перед Родиной. Срок наказания составлял от месяца до трёх, ранение, полученное даже в первый день, возвращало бойца в прежнюю часть на ту же должность, в том же воинском звании. Служба шла не на сутки, на часы – настолько высокой была опасность смерти.

– Из моего родного посёлка Причиж в штрафниках оказались девять человек, в том числе дядя матери Андрей Конякин, – отмечает Воронин. – Он попал в армию в первые дни войны в 18 лет. Его эшелон, направлявшийся на фронт, разбомбил вражеский самолёт. Мёртвые, раненые, паника, неразбериха: пока мальчишки дошли до своего населённого пункта, немцы успели продвинуться далеко вперёд, и парни оказались окруженцами. В 1943 году советские войска вернулись в Севск – молодёжь забрали в штрафбат. Андрея впоследствии реабилитировали, с Красной Армией он дошёл до Европы: свою «вину» искупил с лихвой. Моему поколению не рассказывали о штрафниках. Им не отдавали воинские почести. Их останки долгое время оставались прикопанными в воронках, заброшенными в траншеях. Но сейчас штрафников возвращают из небытия: брянские поисковики ищут погибших на полях сражений солдат.

Так, в апреле 2013 года на высоте Берёзовец на трассе Севск–Комаричи решили проверить предположение о том, что погибших красноармейцев немцы закопали в своей траншее. На глубине всего лишь 30 сантиметров нашли первое тело...

В нескольких километрах от этого места, у посёлка Тростенчик, обнаруженное захоронение останков советских солдат заставило поисковиков ужаснуться. Воины лежали так, как их сбросили – вповалку. Кто-то лицом вниз, кто-то на бок, многие полусидели, один – стоял, прислонившись к склону ямы. У некоторых руки и ноги были раздроблены, скреплены шинами и другими приспособлениями. Всем было по 18-25 лет. И ни у одного не оказалось медальона, позволившего бы установить имя.

В мае в воинском мемориале посёлка Соколовский останки 190 воинов – безвестных героев Курской битвы – захоронили с почестями.

Мария ГРУЩИНСКАЯ